

ПОЗИЦИОННЫЙ КРИЗИС В ХОДЕ РЖЕВСКОЙ И ВЕРДЕНСКОЙ БИТВ МИРОВЫХ ВОЙН: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Мизеров Иван Игоревич

Аспирант, Российский Университет Дружбы Народов
mizerchuk@mail.ru

THE POSITIONAL CRISIS DURING RZHEV AND VERDUN BATTLES OF WORLD WARS: GENERAL AND SPECIAL

I. Mizerov

Summary. The article addresses the issue of similarities and differences between the two largest positional battles in world history, the Verdun battle of the First World War and the Battle of Rzhev in World War II, attempts to isolate the essential manifestations of a positional crisis that are common at different stages of the development of technology and tactics. A comparative analysis of the characteristics of the Verdun battle and Battle of Rzhev highlights at the tactical, operational and strategic levels factors that in the two very dissimilar theaters of military operations, in different military and political conditions, under the different influence of the personal characteristics of the generals leading the units and formations involved, led to close final results, poured into similar forms. It was proposed to develop the theme of parallelism between the Verdun and Rzhev battles as part of an independent full-scale study of the phenomenon of a positional crisis in its early and new versions.

Keywords: military history; positional crisis; comparative studies; World War I; The Second World War; statistics; Rzhev battle; Battle of Verdun.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сходствах и различиях двух крупнейших позиционных сражений мировой истории, Верденской битвы Первой мировой и Ржевской битвы Второй мировой войн, производится попытка вычленить существенные проявления позиционного кризиса, единые на разных этапах развития техники и тактики. Путём сравнительного анализа характерных особенностей Верденской и Ржевской битв выделяются на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях факторы, которые в рамках двух весьма несходных театров военных действий, в различных военных и политических условиях, под разного рода влиянием личных особенностей полководцев, руководящих задействованными частями и соединениями, вели к близким итоговым результатам, выливались в сходные формы. Предложено развить тему параллелизма между Верденской и Ржевской битвами в рамках самостоятельного полномасштабного исследования феномена позиционного кризиса в раннем и новом его вариантах.

Ключевые слова: военная история; позиционный кризис; компаративистика; Первая мировая война; Вторая мировая война; статистика; Ржевская битва; Битва при Вердене.

Первая и Вторая мировые войны — крупнейшие в истории человеческой цивилизации, беспрецедентные по количеству вовлечённых в них участников, вне всяких сомнений оказали решающее влияние на историю XX века, из которой логически и хронологически вытекает XXI век. Политические границы, роль и место в системе международных отношений тех или иных государств, международные договоры и организации, национальная идеология и мифология огромного количества народов, вовлечённых некогда в мировые конфликты, долгосрочные демографические и экономические последствия — всё это в настоящее время во многом определяется наследием 1914–1918 и 1939–1945. Уже этого факта достаточно, чтобы практически любая работа, кроме посвящённой крайне узкой и локальной проблематике, раскрывающая историю указанных выше периодов, была небесполезной и актуальной, если только она не повторяет выводы и развитие мысли ранее выполненных исследований. Автор данной небольшой статьи, не претендуя на то, что им заявлено новое слово в науке, должен, однако, отметить, что до настоящего времени работа монографического характера, или даже

статейного формата, где производилось бы вдумчивое аналитическое сопоставления Верденской и Ржевской битв, не была создана.

Этот факт нельзя назвать иначе, чем странным, ведь даже на уровне архетипов массовой психологии, образы “Верденской мясорубки” и “Ржевской бойни” несут печать сходства. При этом оно не ограничивается одним только фактом больших потерь, понесённых в сражении — в конце концов, других эпизодов в военной истории мира, или даже только Франции и России/СССР, сопровождавшихся массовыми человеческими жертвами, не так уж мало. Нет, суть лежит в несколько иной плоскости.

Как Первая, так и Вторая мировая, помимо перечисленных ранее многообразных форм влияния на большую часть сфер, составляющих историю рода людского, к которым можно добавлять по необходимости и другие звенья (культура, философия и мировосприятие, искусство и т.д.), вне всяких сомнений перевернули понятия в военном деле. Мало кто усомнится, что “наука побеж-

дать” при Суворове, или даже, к примеру, во времена генерала Ли и генерал-фельдмаршала фон Мольтке Старшего, была такой же, как после двух мировых войн. Военная теория обогатилась и изменилась за первую половину XX века радикально. И одним из важных понятий, появившихся в ней, стало понятие позиционного кризиса.

Позиционный кризис есть ситуация, при которой на значительной (большей) части фронта и на длительный период оборона получает решающее преимущество перед наступлением, причём в равной мере для той и другой стороны. Почему такое положение считается кризисом?

Выдающийся военный теоретик Карл фон Клаузевиц говорил, что “Война есть продолжение политики иными средствами” [11, с 25]. В этой связи, с его точки зрения, “войну порождает не нападение, а сопротивление” [11, с 16–17]. В самом деле, если в виду силового, экономического, или иного давления, либо каких-нибудь ещё факторов, одна сторона соглашается уступить требованиям, другой, какими бы невыгодными, или даже унижительными они не были, то вооружённая борьба попросту не состоится. Если же та и другая сторона продолжает стоять на своём, то единственный способ понудить неприятеля к заключению мира на своих условиях (тем более — к капитуляции), есть активные действия, читай наступление. Оно же, это важно подчеркнуть, оптимальный вариант и для стороны, подвергшейся агрессии. Не всегда возможное в конкретных данных условиях, но, тем не менее, постоянно подразумеваемое как оптимум: перенести борьбу со своей территории на территорию нападавшего, разрушить его системы управления, мобилизации, производства, лишит его возможности в дальнейшем угрожать новым нападением. В 1812 году, после изгнания Наполеона из пределов России, равно как и в 1944 году, после достижения на основной её протяжённости линии государственной границы, боевые действия не прекратились, но завершились только по итогам серии широкомасштабных наступлений во взятой столице противника, хотя и в первом, и во втором случае Российская Империя и Советский Союз изначально оказались под ударом захватчика.

Превалирование обороны над наступлением создаёт условия не для мира, но для затягивания конфликта и борьбы на истощение. Оперативное искусство уступает место калькуляции ресурсов и стремлению заставить противника растрачивать их более интенсивно, чем расходуешь их сам. Основной формой достижения превосходства над врагом становится ввод в сражения максимально количества живой силы и техники, использование насколько возможно большего количества боеприпасов. На выходе получаем многомесячные бои “за

избушку лесника” и потери до полумиллиона человеческих жизней за продвижение на расстояние 1,5–2 километров, как в упоминавшемся выше случае сражения при Пашендейле. О последнем генерал Зайончковский в своей фундаментальной книге “Первая мировая война” пишет следующее: “...главная причина неудачи заключалась все-таки в трудности современной атаки, которая требует сосредоточения атакующим такого количества боевых средств и такого методического и связного расходования их, которое радикально отличает бои позиционной войны от маневренной” [8, с 594–595].

Механика процесса на оперативном уровне — в возможности осуществить прорыв обороны прежде, чем неприятель успеет перебросить на соответствующий участок резервы достаточные для того, чтобы надёжно его запечатать. Далее может начаться взаимная гонка количественного усиления, когда командиры той и другой стороны будут вводить в дело всё новые и новые полки, или дивизии в расчёте на то, что склонить чашу весов на ту или другую сторону может единственный “последний батальон”, что в действительности является иллюзией. Именно так и запускается процесс самоподдерживающейся “мясорубки”, завершающейся, как правило, только тогда, когда у одной, или обеих сторон не остаётся ни одного достаточно свежего и боеспособного “последнего батальона”, который можно бросить в бой. Подобные обострения в борьбе перемежаются длительными периодами сравнительного бездействия, на самом деле представляющего собой подобие долгосрочной осады: минимальное количество манёвров и довольно скромное количество людей на передовой линии разветвлённых и состоящей из многих полос оборонительных позиций компенсируется упорством действий “бога войны” — артиллерии, и тем колоссальным количеством боеприпасов, которые за дни и даже недели почти непрерывных обстрелов она тратит, засеивая металлом занятую врагом территорию, в попытках уничтожить множество блиндажей и ДОТов, сорвать с кольев метры и метры колючей проволоки в тщетной надежде увеличить скорость, с которой оборону неприятеля сумеют преодолеть в ходе нового удара штурмующие пехотинцы.

Первая мировая породила два выхода из тупика — технический и тактический. Первый — это авиация, которая в принципе не ограничена в возможностях по нанесению ударов, в том числе и по глубокому тылу врага, ничем, кроме радиуса действия самолётов тех или иных типов, а главное — бронетехника, танки и иные моторизованные средства, которые, стоит только пробиться через насыщенную инженерными преградами зону защиты, способна резко наращивать темп продвижения вперёд, на порядок перекрывая всё, что мог бы продемонстрировать пехотинец, а также обладающая куда

большими ударными и защитными возможностями, нежели кавалерия. Второй — штурмовые группы пехоты, представляющие собой спаянные соединения обладающих широким спектром ручного и лёгкого возимого оружия тренированных бойцов, чья цель — пробивание брешей в обороне, нарушение системы огня, позволяющее через возникшие окна основной массе солдат пройти, не залегая, наиболее опасную зону предполья, непосредственно вклиниться в построения противника.

Решив задачи в 1917–1918 годах эти методы, с одной стороны, развивались, с другой — с течением времени против них появился ряд контрприёмов. В первую очередь то же техническое развитие, которое породило танк, привело к возникновению и специализированной противотанковой артиллерии. Развитие артиллерии зенитной, а также появления радиолокационного способа обнаружения самолётов способствовало укреплению противовоздушной обороны. В целом к 1939 году обновлённые и усовершенствованные, инструменты преодоления позиционного кризиса сохранили свою действенность. В силу этого мы в основном знаем Вторую Мировую и Великую Отечественную как маневренные войны, насыщенные прорывами, глубокими рейдами, охватами, окружениями и суточными темпами продвижения на 50, 100 и даже более километров в сутки. Однако, в случае Ржевской битвы, мы, вне всяких сомнений, имеем пример возобновившегося на новом витке военной истории позиционного тупика.

Представляет несомненный научный интерес понять, почему это произошло, вычленив частные и общие, принципиальные, сущностные моменты. Сделать это будет легче, а результат получится нагляднее, если воспользоваться методом исторической компаративистики и задать Ржевской битве в качестве лекала близкое по размаху, протяжённости и роли в общем военном контексте сражение эпохи классического позиционного фронта. Автору представляется, что Верденская битва будет оптимальным выбором. В основной части работы мы на целом ряде позиций увидим это.

Прежде, чем начать делать какие-либо выводы, стоит ещё раз убедиться, что мы не пытаемся сопоставить несравнимое.

Во-первых, необходимо взглянуть, на протяжённость Верденской и Ржевской битв во времени и пространстве. В историографии приняты соответствующие даты для начала и окончания той и другой баталии, а именно 21 февраля — 18 декабря 1916 и 8 января 1942–31 марта 1943. И там, и там остаётся пространство для исторической критики — например, в случае с Ржевской битвой само название города Ржев впервые звучит в военных документах Калининского фронта в записях от 06.01.42.,

а 9 января Ржев впервые появляется в боевой задаче 29-й армии: подготовить наступление на Ржев. При этом командующие РККА всех уровней, ведущие бои, не отделяли от общего хода Контрнаступления под Москвой. Но, давайте здесь, для простоты и краткости примиримся с возможными погрешностями как незначительными. В этом случае мы получим продолжительность Верденской битвы в 301 сутки, а Ржевской — в 447 суток. Это весьма крупные временные отрезки в контексте Первой и Второй мировых войн соответственно. Безусловно, при такой длине битв имелись периоды относительного затишья. Однако, чередование наступлений и пауз между ними не приводит к разрыву, поскольку наличествует единство оперативно-стратегической значимости соответствующего участка (район Вердена, либо район Ржева) на всём протяжении соответствующей битвы, общность принципиальных задач и целей сторон. Обозначаясь, мы имеем серию подходов к одному и тому же снаряду.

Если говорить о географической протяжённости, то здесь задача несколько усложняется. Промер километража линии фронта едва ли будет корректным, да и вообще возможным с учётом того, что, к примеру, внутри Ржевского выступа длительное время существовало глубокое вклинение войск Калининского фронта, на котором находились части 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса. В ходе операции Зейдлиц немецкой 9-й армии удалось ликвидировать его. Как Ржев, так и Верден находились на оконечности выступов, выдающихся из общей линии Западного, или Советско-германского фронтов. В этих условиях наиболее разумным параметром сравнения станет расстояние между крайними фланговыми точками этого выступа. В случае с Верденом мы получаем примерно 39 км между Клермон-он-Аргон и Ле Парошем, в случае с Ржевом — 132,5 км. между Белым и Гжатском (последний ныне переименован в Гагарин).

Наконец, имеет смысл сказать о наряде привлекаемых сил. Безусловно, в какой-то степени он изменялся — прибывали и убывали соединения до дивизий включительно, тем не менее, в общих чертах вычленив его вполне возможно. Под Верденом были задействованы 2-я и 3-я французские армии с одной и 5-я германская армия с другой стороны. В случае Ржевской битвы это 9-я и отдельные части 3-й танковой армий у вермахта и Калининский и Западный фронты (тот и другой без нескольких армий, располагавшихся севернее, либо южнее Выступа).

Сравнение данных двух битв даёт возможность выявить, что географическая скученность зоны действия при Вердене задаёт для этого сражения Первой мировой большие плотности войск, чем при Ржевской битве.

		Потери безвозвратные	Потери общие	Потери сумма	Протяжённость в датах и количестве суток	Средне-суточные потери
Верденская битва	Франция	162 000	377 000	714000	с 21 февраля 1916 по 18 декабря 1916, итого 301 день	1252
	Германия	143 000	337 000			1120
Ржевская битва	СССР	392 554	1160787	1828797	с 8 января 1942 по 31 марта 1943, итого 447 дней	2597
	Германия	198363	668010			1494

[4, с 176, с 235, с 251],[9]

Ширина и объём Ржевского выступа объясняются как существенным превышением протяжённости Восточного фронта Второй Мировой войны над таковой Западного фронта Первой Мировой, так и определёнными изменениями в технике и тактике, которые позволили резервам, располагающимся у основания и выступа, и, в зависимости от зоны возникновения кризиса, отправляющимся на ликвидацию возможного прорыва, проходить за то же время большие дистанции. То же касается в известной мере и хронологии — Верден короче и плотнее забит событиями, что позволяло исторической науке сразу и более уверенно говорить о нём, как о едином эпизоде в рамках противоборства на Западном фронте. Имелись, безусловно, крупные несходства на стадии формирования одного и второго выступов, где в случае с Ржевом процесс был куда более хаотичным и чреватым для обороняющейся стороны (т.е. Германии) мгновенным его коллапсом ещё до того, как будет полноценно выстроена система обороны. Но уже к концу февраля 1942 эта стадия окажется позади. Под Ржевом достигшая большого прогресса по сравнению с 1916 годом авиация сражалась в ранге отдельного фактора, выходящего за пределы позиционного фронта по самим особенностям своего применения.

Различия естественны, с учётом прогресса техники и военного искусства, но они не отменяют принципиальной близости. В чём выражается эта близость? Самое простое, но, в то же время, существенное, что, если представить ту и другую битву в виде схемы, то они будут почти идентичными — это попытки сперва “расколоть” атакой в направлении вершины (где находится важный с точки зрения логистики населённый пункт), а затем срезать фланговыми ударами выступ. При этом роль данного выступа — своеобразный краеугольный камень фронта в целом, от стойкости которого зависит способность атакующей стороны перехватить, либо не перехватить стратегическую инициативу. В самом деле, в 1916-м под Верденом Германия силилась вырвать её у начавших проводить крупномасштабные наступательные операции за то время, что она по большей части была обращена к Восточному фронту, союзников по Антанте. В октябре 1915 франко-английские силы организовали

крупную атаку в Артуа, а непосредственно в 1916 после длительной подготовки предприняли генеральное наступление на Сомме. На Советско-германском фронте Ржевская битва началась как новый этап контрнаступления под Москвой, ликвидировавшего последствия немецких успехов сентября-ноября 1941 в ходе операции Тайфун, а затем с конца июня 1942 проходила в контексте широкомасштабной наступательной кампании вермахта на Кавказ и Сталинград. Иными словами, то и другое сражение развернулись в период стратегической неопределённости, когда отсутствовала однозначная ясность в вопросе о том, какая сторона будет реализовывать свои планы, а какая — по большей части лишь парировать возникающие угрозы. И в том, и в другом случае внезапность как фактор, хотя, скажем, в случае Вердена её пытались достигнуть [12, с 134], была утрачена атакующими на самой ранней стадии битвы, но данный факт не привёл ни к её остановке, ни к существенной смене в замысле.

Если мы попытаемся в построении нашей схемы спуститься на уровень иерархии ниже, то достаточно легко обнаружим и единство по тактическому рисунку, где ключевую роль играет артиллерия, особенно у обороняющейся стороны, где система огня строится таким образом, чтобы основным приоритетом была способность любым способом и, невзирая на контрбатарею борьбу, заставить противника замедлять своё продвижение в попытках обойти узлы сопротивления, либо сконцентрировать достаточно мощную группировку для их уничтожения. За это время в угрожаемую точку должны были прибыть резервы, достаточные для купирования кризиса. В том случае, если риск прорыва фронта становился особенно велик, как французы при Вердене, так и части вермахта подо Ржевом устраивали кровопролитные, безуспешные с точки зрения выигрыша контроля над территорией, но, опять же, дающие дополнительное время для подхода подкреплений контратаки. Этому можно найти много примеров в любых детальных описаниях Верденской и Ржевской битв, а такой ценный источник, как советские журналы боевых действий фронтового и армейского уровня, просто пестрит ими.

В свете вышеизложенного, наконец, мы получаем законное право перейти не просто к сравнению битв, но делать на этой основе обобщения. Здесь нам поможет таблица, в которой систематизированы ключевые числовые показатели для Верденской и Ржевской битв в разбивке по противостоящим сторонам там, где это необходимо (см. таблицу).

Хорошо видно, что Ржевская битва в целом несколько более масштабна. Даже с учётом большей её продолжительности среднесуточный уровень потерь и для обороняющейся, и, особенно, для наступающей стороны выше, нежели таковой в случае с Верденом. Это позволяет констатировать сразу два важных положения:

1. Позиционный кризис нового типа по своей глубине и последствиям, в тех случаях, когда он возникает, не только не уступает, но превосходит классический.
2. Масштаб и особенности боевых действий на Советско-германском фронте в 1942 были таковы, что ни одна из сторон не ставила данный кризис в центр своего внимания и не рассматривала как сущность и основу борьбы. Маневренные операции на Сталинградском и Кавказском направлениях отделили для военных теоретиков происходящее. В то же время в Первую мировую осмысление началось практически немедленно. Тот же Эрих фон Фалькенгайн уже на стадии разработки атаки на Верден исходил из того, что оно будет происходить в условиях позиционного кризиса. Вполне сознавали это сразу после начала боёв маршал Жоффр и командующий 2-й французской армией Петэн. Можно предполагать, что большая длительность и большие потери сторон подо Ржевом есть следствие отсутствия столь же ясного понимания — во всяком случае у атакующей стороны.

Последнее утверждение можно дополнительно обосновать и подкрепить тем фактом, что опыт Западного фронта Первой мировой был по понятным причинам значительно лучше адаптирован вермахтом, где подавляющее большинство офицерского состава так или иначе непосредственно прошли через это горнило (даже те, кто бился до заключения Брестского мира на Восточном фронте, после этого отправились на Запад, чтобы принять участие в финальной попытке перехватить инициативу у Антанты в ходе Весеннего наступления 1918 года), нежели РККА, которая опиралась в большей мере на наследие Гражданской и Советско-польской войн. Даже освоение наследия сражений на Русско-германском и Русско-австрийском фронтах не могло вполне компенсировать этой разницы, поскольку характерные особенности позиционной войны проявлялись там в заметно меньшей степени, чем при Вердене, или на Сом-

ме. Тот же Вальтер Модель, командовавший 9-й армией в ходе Ржевской битвы, всю Первую мировую провёл в боях во Франции [2, с 31–74]. Все командиры армейских корпусов 9-й армии имели за спиной опыт Первой мировой. В то же время на аналогичном уровне у РККА командующие армий Калининского и Западного фронтов далеко не всегда успели побыть на фронтах “Первой империалистической”.

Помимо опыта, можно говорить и о его трансформации в определённые принципы организации. В частности, в самой основе немецкой тактики лежала идея о так называемом “шверпункте”. Впервые возникшая на теоретическом уровне ещё у Клаузевица, по-настоящему она была осознана и адаптирована вооружёнными силами Германии именно во второй половине Первой мировой войны. В чём она заключается? В необходимости в любой позиции находить ключевой пункт, контроль которого если не гарантирует, то делает наиболее вероятным её удержание (в случае обороны), либо падения (в случае атаки на неё). Казалось бы, при сплошном позиционном фронте данная идея лишена смысла. В действительности — прямо наоборот. Исходя из шверпункта и возможности его сохранения (в том числе в условиях охвата, или даже полного окружения), выстраивалась система огня, распределялись тактические резервы, возводились полевые укрепления. Что есть шверпункт в битве, подобной Ржевской (и Вердену)? Это такая точка, которая в максимально возможной степени препятствует ускорению в развитии наступления, не позволяет развиться до степени оперативного даже уже достигнутому прорыву. Хороший пример мы видим в ходе операции Марс и действий в ней 20-й армии на реке Вазуза. Там прорыв введённого в бой 6-го танкового корпуса Армана к важнейшей железнодорожной ветке Ржев-Сычевка удался лишь частично и с большими потерями, так как противник продолжал упорно удерживать опорные пункты перед занятым советскими войсками плацдармом за Вазузой — в тылу корпуса, а некоторые вернул с контратаками после его продвижения вперёд и продолжал держаться даже в условиях окружения в надежде на деблокаду прибывающими резервами. Пара блокированных деревень с достаточно скромными, но хорошо подготовленными гарнизонами не допускала создания действительно широкой и безопасной переправы через реку, ввиду чего на подходах к Вазузе образовался вечный затор из советских войск, который подвергался непрерывному воздействию дальнобойной артиллерии и авиации немцев. Попытка протолкнуть через бутылочное горлышко максимальное количество войск привела к тому, что очень небольшое число подразделений сумело форсировать водную преграду в полном составе, произошло нарушение взаимодействия между пехотой (по большей части уже очутившейся на плацдарме) и артиллерией (в основном оставшейся позади). Непрерыв-

но воздействовал на дальнейшее развитие наступления ограниченный объём снабжения — особенно самым роковым образом сказавшееся в дальнейшем малое количество топлива у танков 6-го танкового корпуса.

Принятое в этих условиях командованием фронта и армии решение, не дожидаясь расширения плацдарма и взятия опорных пунктов противника Никоново, Бол. и Мал. Кропотово в ночное время перебросить в походном порядке (верхом) части 2-го кавкорпуса генерала Крюкова вперёд на соединение с 6-м т.к. окончилось катастрофически. Только небольшая часть первого эшелона бойцов смогла на полном скаку миновать линию огня, а остальные были вскрыты противником при помощи прожекторов и осветительных ракет, а затем подвергнуты уничтожающему обстрелу. Значительное количество кавалеристов погибло, часть была вынуждена спешиться и принять бой, некоторые из них были окружены и уничтожены, отдельные подразделения в темноте и спешке потеряли ориентирование и вместо позиций 6-го тк вышли в области, занятые противником, где так же были уничтожены. К исходу 28-го ноября 1942 года 2-й кавалерийский корпус оказался разделён практически надвое и очень серьёзно ослаблен. Конно-механизированная группа прорыва 20-й армии фактически оказалась в тяжёлом положении, была неспособна самостоятельно продолжать наступление, тем более в темпах, предписываемых планом операции Марс. Таким образом, попытка поспешить с углублением прорыва завершилась разгромом эшелона развития успеха и вообще наиболее маневренных соединений в полосе наступления 20-й армии Западного фронта. В то же время планомерная зачистка Никоново, Большого и Малого Кропотово и нескольких других населённых пунктов вела к фатальной потере времени, за которое в зоне боёв успели появиться части сразу двух свежих танковых дивизий вермахта.

Откуда взялась подобная система? Из собственных ошибок 1916, когда сперва во время атак на Верден периода 21–25 февраля был избран вариант с предельно узким фронтом наступления (чтобы артиллерия могла с гарантией расчистить путь продвигающейся вперёд пехоте), а потом, с началом марта немцы обнаружили, что при таком варианте почти невозможно адекватно развивать прорыв и даже полноценно закрепиться на занятой территории под непрерывными контратаками французов и фланкирующим обстрелом. Затягивание времени привело к тому, что Петэн сумел наладить непрерывную ротацию резервов. Лиддел-Гарт пишет об этом так: «Дороги уже не выдерживали напряжения беспрестанного движения. Поэтому были подброшены отряды территориальников, которые должны были чинить дорогу, поддерживать ее в исправности и прокладывать параллельные пути. С этого времени поток сообщений возрос до 6000 грузовиков в сутки. Впереди Петэн разделял

фронт на определенные секторы, каждый со своей тяжелой артиллерией, и развивал повторные контратаки. Хотя контратаки эти почти не приводили к выигрышу местности, они смущали атакующих германцев и являлись для них помехой. Другим фактором, помогавшим французам, было то, что чем дальше германцы продвигались вперед по восточному берегу реки, тем больше они подставляли себя под фланкирующий огонь французской артиллерии, развиваемый через реку.

Время было упущено. Наступление потеряло свой порыв, стало затихать, и, как рассказывает нам Цвель, на германской стороне уже стал «проявляться мрачный пессимизм».

Теперь германское командование с опозданием пыталось расширить фронт атаки. 6 марта, после двух дней артиллерийской подготовки, кронпринц повел атаку на западном берегу реки Маас, а 8 марта к этому последнему и решающему усилию примкнули и войска на восточном берегу. Успех не оправдал потерь: на западе усилия атаковавших разбивались о высоту Морт-Ом, а на востоке — о высоту Пуавр. Все надежды на прорыв померкли, так как оборона была теперь укреплена и силы уравновешены» [12, с. 136].

В то же время, казалось бы, ситуацию с развитием прорыва в 1916 и 1942 должны принципиально отличать танки, наличие или отсутствие такого важного средства борьбы. Бронетехнику невозможно заставить залечь сколь бы то ни было массивным обстрелом. Непрерывный манёвр должен помогать ей постоянно уходить из тех секторов, где противнику удаётся удерживать острова и утёсы обороны посреди волны наступления, обтекать их, чтобы стремиться вперёд в максимальном темпе. В реальности очень быстро выяснилось, что без пехотной компоненты танковые подразделения оказываются неспособны на полноценное развитие успеха. Чисто танковое подразделение не может создать устойчивого фронта ни при охвате, ни при окружении, неспособно обеспечить собственные фланги при прорыве. Окопать танк, сделать его стационарным средством обороны — значит превратить его в не слишком удачной конструкции бронеколпак, в который непонятно зачем засунули ещё и дизельный мотор, лишив его ключевого преимущества. Танковая бригада в 45–50 машин способна при благоприятных обстоятельствах за несколько суток преодолеть не один десяток километров, но совершенно не может решать самостоятельно задачи по контролю, пусть даже в виде слабой завесы, всей этой территории. Первый же контрудар — и окружавший оказывается окружённым, а отсекавший — отсечённым. У этой проблемы есть три решения. Первое — максимально стремительные действия в глубине у противника, фактически рейды по его тылам и систе-

ме управления, где риск оказаться в конечном итоге блокированным и уничтоженным на таком расстоянии от ближайших своих соединений, что никто не сможет подать руку помощи, заведомо принимается. Второе — создание мощной и специальным образом подготовленной моторизованной, а лучше механизированной пехоты, структурно вводимой в состав маневренных соединений, которая тесно взаимодействуя с танками, будет по необходимости разворачиваться и оборонять ключевые точки по пути движения в прорыве. Наконец, третье — на начальной стадии обеспечить достаточную ширину прорыва, чтобы любые контрудары не могли угрожать одномоментным срезанием движущейся вперёд ударной группировки.

Из этих трёх парадигм прямое отношение к нашему исследованию имеет третья: коридор, по которому общались 6-й танковый корпус и 20-я армия, изначально оказался узким, а после того, как начавшие появляться как раз на флангах свежие немецкие части (пускай изначально и небольшие) сумели контратаками сжать его до того, что свободное продвижение подкреплений и припасов по нему оказалось невозможным — оно гарантированно засекалось, после чего по маршруту движения наносился артиллерийский удар и активизировались контрвыпады. И — либо разворачивайся и, де факто, пробивайся заново, раздвигая стенки коридора, либо пытайся проскочить — и тогда имей шанс повторить судьбу конников 2-го кавкорпуса.

Некогда под Верденом французы вернули большую часть того, что немцы брали у них в тяжёлых и широко-масштабных ударах, например форт Дуомон, сериями очень маленьких, но настойчивых, как долбящий дерево клювом дятел, атак, постепенно всё более сужавших зону, связующую основные силы армии кронпринца Вильгельма с выдвинутыми вперёд укрепленными пунктами. Иными словами, сами по себе, как таковые, достаточно прочные, она заставляли очень многое тратить на свою поддержку и сохранение устойчивого контакта. На Восточном фронте в 1942 всё, как правило, происходило заметно быстрее — но это понятно и естественно — скорости Второй мировой в целом были во всех отношениях выше, нежели у Первой. В основах своих, однако, процесс сохранял прежнюю суть.

В некоторых случаях снабжение передовых подразделений, либо изолированных гарнизонов, в отличие от периода Первой мировой, стало возможным осуществлять по воздуху. Однако, здесь для успеха настоятельно требовался прочно контролируемый аэродром, а также развитая и многочисленная транспортная авиация, которой обеспечена безопасность её действий (т.е. необходимое условие — как минимум частичное господство в воздухе в зоне операции). Несоблюдение хотя бы од-

ного из этих требований быстро вело к самым плачевным последствиям, что хорошо видно на примере судьбы 6-й немецкой армии в Сталинградском котле. В целом вплоть до 1945 года воздушное снабжение продолжало оставаться или экзотикой, или риском, сравнимым с хождением по лезвию бритвы. В этом смысле авиация как новое техническое средство (хотя ВВС, безусловно, существовали у борющихся сторон и в 1916, но к 1942 прогресс в военном авиастроении был очень значительным), не смогла оказать решающего влияния на преодоление позиционного кризиса нового типа. На стадии же непосредственно прорыва обороны ВВС, как правило, имели возможность действовать только в качестве «летающей артиллерии». Превентивные удары по районам сосредоточения резервов противника, хотя и ставились в качестве боевой задачи, редко когда были по-настоящему эффективны, ввиду ограниченности информации о точном месторасположении врага в конкретный момент времени. Так в Отчёте о боевых действиях 1-й воздушной армии, сражавшейся в небе над Ржевским выступом, за август 1942 (начало Ржевско-Сычёвской наступательной операции) говорится: «В основу организации первого штурмового и бомбового удара в 1-й день операции на фронте 61-й армии были положены принципы внезапности и максимальной авиационной плотности на узком участке фронта, имея основной задачей первым ударом подавить всю систему огня противника непосредственно на переднем крае обороны в направлении главного удара». Только после этого предполагалось «...последующими вылетами, перенося удары в глубину обороны, не допустить подхода резервов к полю боя». Даже при подавляющем преимуществе в воздухе и качественной работе разведки, как, например, у союзников в Нормандии летом 1944 года, полностью парализовать переброску мобильных резервов немцев к угрожаемым участкам англо-американцам так и не удалось.

Непосредственно же штурмовые действия ВВС могли быть более или менее эффективными, но лишь дополняли артиллерийскую обработку позиций врага. Причём, если, даже ведя контрбатареиную борьбу, до момента прямого поражения орудия, или вывода из строя его расчёта, в условиях Второй мировой не было никакой возможности перехватить или остановить выпущенный им снаряд, то ключевые узлы в системе обороны (читай шверпункты) можно было прикрыть средствами ПВО достаточно сильно, чтобы сама попытка подобраться к ним с воздуха для бомбометания была чревата тяжёлыми потерями. И всё это — если абстрагироваться от активного противодействия истребительной авиации, а о нём тоже забывать нельзя.

Иными словами, приходится признать, что с появлением в 1930-х новых качественных средств ПВО и ПТО технические средства, которые сами по себе предлага-

лись в период Первой мировой как способы разрешения позиционного кризиса, перестали быть таковыми. Эффективные механизмы для этого к 1942 году лежали исключительно в тактической области.

Так, на стадии подготовки Погорело-Городищенской наступательной операции, наиболее успешной у РККА в ходе Ржевской битвы, особое внимание было уделено подготовке штурмовых групп:

“В соединениях армии на направлении главного удара были сформированы и обучены штурмовые отряды, отряды заграждения, блокировочные и подвижные группы, сыгравшие большую роль при прорыве обороны противника и в период преследования”.

Сам автор Журнала Боевых Действий 20-й армии в Погорело-Городищенской операции пишет, что данные формирования сыграли большую роль в наступлении. К этому необходимо добавить, что всё это — целенаправленная попытка противостоять выявленной немецкой тактике. Развитие нашего прорыва и его последствия должны были, во что бы то ни стало, упредить организованный контрудар врага. Стоит добавить, что в рамках Погорело-Городищенской операции ярко высветилась и критическая важность маневренного резерва, а также готовность и способность Вальтера Моделя, командующего 9-й немецкой армии, своевременно и в должном масштабе их концентрировать. Так, на финальной стадии боёв на противодействие 20-й армии бросается три танковые дивизии: 1-я, 2-я и 5-я тд вермахта. Если на начальной стадии численное преимущество было на стороне атакующего, то на конечной — обороняющегося.

То же самое, только в большем — по времени и численности войск — масштабе мы видим в феврале-апреле 1916 года под Верденом. Если изначально немцы имели превосходство, то позднее против 50 германских дивизий действовало до 75 французских...

Завершая данную статью, вместе с тем, автор ни в коей мере не считает исчерпанной её тему, напротив, даже подчёркивает обратное. Проблема поставлена — вычленение при компаративном анализе неизменных в рамках двух мировых войн тактических, оперативных и стратегических форм, определение непреходящих (во всяком случае, в рамках XX столетия) положений военной те-

рии и подкрепление их историческими примерами и доказательствами. Верден и Ржев — лишь одна из возможных пар сопоставления. Несомненный интерес вызывает, скажем, сравнительный анализ Галипполийской операции и операции Оверлорд — крупнейших морских десантов Первой и Второй мировых войн соответственно. Но, всё же, вернёмся именно к вопросу о позиционном кризисе, средствах его преодоления, причинах, по которым они оказывались более или менее эффективными. Данная тема вполне заслуживает самостоятельной монографии — хотя бы даже отталкивающейся от предложенного автором сопоставления Верденской и Ржевской битв, либо включающая в себя и другие примеры, которые позволят придать выводам более полный, законченный, фундаментальный характер.

В настоящей работе проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1. Верденская и Ржевская битва являются не просто сопоставимыми, но родственными, как выдающиеся образчики позиционного кризиса старого и нового типов.
2. Само возникновение позиционного кризиса нового типа во многом связано с немецкой тактикой шверпункта (в её приложении к обороне), которая в свою очередь была освоена вооруженными силами Германии под большим влиянием опыта Вердена.
3. В свою очередь в рамках РККА в силу как объективных, так и субъективных причин опыт Западного фронта Первой мировой оказался менее освоен и востребован, что сказалось в ряде случаев на принимаемых командованием в ходе Ржевской битвы решениях.
4. Роль техники (танков, авиации), как средств разрешения кризиса, оказалась преходящей, равно как и ряд других особенностей Верденской и Ржевской битв, связанных с большим или меньшим общим темпом боевых действий, обеспечиваемых новыми техническими средствами у второй и первой соответственно. В то же время ключевые оперативно-тактически установки, характерные для позиционного фронта, оказались устойчивыми и лишь эволюционировали: как то ротация при помощи ж/д и автотранспорта резервов у Петэна и мобильный танково-механизированный резерв у Моделя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Verdun et les batailles pour sa possession. Clermont Ferrand: Michelin and Cie. 1919.
2. Стивен Ньютон. Hitler's Commander. Field Marshal Walther Model — Hitler's Favorite General, в России издана как «Пожарник» Гитлера. Фельдмаршал Модель, М., АСТ, 2007.
3. Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова, катастрофа Красной армии в операции Марс 1942 г., М., Астрель, 2006.

4. Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. — М.: Олма-Пресс, 2001.
5. Герасимова С. А. "Я убит подо Ржевом". Трагедия Мончаловского котла, серия "Война и мы" — М.: Яуза-каталог, Эксмо, 2016.
6. Герасимова С. А. Ржев 42. Позиционная бойня. — М.: Яуза, Эксмо, 2007.
7. Герасимова С. А. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова — М.: Яуза, Эксмо, 2009.
8. Зайончковский А. М. Первая мировая война. — СПб.: Полигон, 2000. — 878 с.
9. Исаев А. В. К вопросу о потерях советских войск в боях за Ржевский выступ. Журнал «Актуальная история»
10. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / под ред. И. И. Ростунова. — М.: Наука, 1975.
11. Клаузевиц К. О войне. — М.: Эксмо, Мидгард, 2007.
12. Лиддел Гарт Б. 1914. Правда о Первой мировой. — М.: Эксмо, 2009.
13. Петэн А. Ф. Оборона Вердена. Пер. с франц. — М., 1937.
14. Попов В. Т. Бои за Верден. — М., 1939.
15. Фалькенхайн Э. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. — М.: Высший Военный Редакционный Совет, 1923.
16. ЦАМО, фонд 1-й воздушной армии, опись 3284, дело 53.
17. ЦАМО, фонд оперотдела штаба 20-й армии, опись 6631, дело 53.

© Мизеров Иван Игоревич (mizerchuk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов